

А. И. ГЕРЦЕН

Михаил Бакунин

Милостивый государь,

Вы пожелали ознакомиться с некоторыми подробностями биографии Бакунина. Я глубоко тронут честью, какую вы мне оказываете, обращаясь ко мне и предоставляя мне возможность поговорить об этом герое, с которым я был очень близок. Пусть эти наспех сделанные заметки помогут вам создать ему мученический венец! — он достоин, милостивый государь, венца, сплетенного вашими руками¹.

Вы выразили также желание получить его портрет; со временем мне, быть может, удастся достать тот, который был сделан в Германии в 1843 году и который я видел в России. Он довольно похож. Пока же, чтобы дать вам хоть какое-нибудь представление о внешности Бакунина, рекомендую вам старые портреты Спинозы², которые можно найти в нескольких немецких изданиях его произведений; между обоими этими лицами большое сходство.

Михаилу Бакунину теперь лет 37–38.

Он родился в старинной аристократической семье и в состоянии, равно удаленном как от большого богатства, так и от стеснительной бедности. Это наиболее просвещенная и прогрессивная среда в России. Чтобы дать вам, милостивый государь, представление о том, что волнуется и бродит в недрах этих семей, столь безмятежных с виду, мне достаточно будет рассказать о судьбах дядей Бакунина, Муравьевых, на которых он сильно походил своей высокой сутуловатой фигурой, светлоглубыми глазами, широким и квадратным лбом и даже довольно большим ртом.

Одно только поколение из рода Муравьевых дало трех блестящих своих представителей восстанию 14 декабря³ (двое из них принадлежали к наиболее влиятельным его участникам; один был повешен

Николаем, другой погиб в Сибири), палача — полякам, обер-прокурора — святейшему синоду и, наконец, супругу — одному из министров его величества⁴.

Можно себе представить, какая гармония и какое единство царят в семействах, составленных из столь разнородных элементов.

Михаил Муравьев, виленский генерал-губернатор, любил повторять: «Я не принадлежу к тем Муравьевым, которых вешают, а к тем, которые вешают».

Детство Бакунин провел в родительском доме в Твери и невдалеке от этого города, в поместье своего отца. Последний, слывший за человека весьма умного и даже старого заговорщика времен Александра⁵, не особенно любил сына и отделался от него при первой же возможности. Он определил Бакунина в артиллерийское училище в Петербурге.

Военные училища в России ужасны, именно там, на глазах у самого императора, выращивают офицеров для его армии. Именно там «сокрушают душу» детям и приучают их к беспрекословному повиновению. Мощный дух и могучее тело Бакунина счастливо прошли через это суровое испытание. Он закончил свое обучение и был зачислен на службу артиллерийским офицером. Желая удалить его, отец воспользовался содействием знакомых генералов и услал своего сына из Петербурга в артиллерийский парк, расположенный в унылой Белоруссии⁶.

Молодой человек погибал там от скуки; он до такой степени загрустил и впал в меланхолию, что у начальников его появились серьезные опасения насчет его здоровья, и поэтому никто не возражал, когда год спустя он подал в отставку. Освободившись от службы против воли своего отца, без связей, без поддержки, без денег, он приехал в Москву. Это было в 1836 году. Бакунин был словно затерян в незнакомом ему городе; он искал уроков по математике — единственной науке, с которой был немножко знаком, — но не находил их. К счастью, несколько времени спустя, его представили одной даме, которую вся литературная молодежь того времени любила и глубоко уважала, — г-же Е. Левашовой⁷ (эту святую женщину можно смело назвать по имени; уже более десяти лет ее нет на свете). То было одно из тех чистых, самоотверженных, полных возвышенных стремлений и душевной теплоты существ, которые излучают вокруг себя любовь и дружбу, которые согревают и утешают все, что к ним приближается. В гостиных г-жи Левашовой можно было встретить самых выдающихся людей России — Пушкина, Михаила Орлова⁸ (не министра полиции⁹, а его брата, заговорщика), наконец, Чаадаева¹⁰, ее самого задушевного друга, адресовавшего ей свои знаменитые письма о России¹¹.

Г-жа Левашова разгадала своей прозорливой интуицией, свойственной женщинам, наделенным великим сердцем, непоколебимый характер и необыкновенные способности бывшего артиллериста. Она ввела его в круг своих друзей¹². Тогда-то он и встретил Станкевича и Белинского и тесно сблизился с ними

Станкевич* побудил его изучать философию. Быстрота, с которой Бакунин, тогда еще очень плохо знавший немецкий язык, усвоил идеи Канта¹³ и Гегеля¹⁴ и овладел как диалектическим методом, так и умозрительным содержанием их сочинений, — была поразительна¹⁵. Через два года после приезда в Москву он настолько опередил своих друзей, что они уже обыкновенно обращались к нему, когда встречались с какими-либо трудностями. Бакунин обладал великолепной способностью развивать самые абстрактные понятия с ясностью, делавшей их доступными каждому, причем они нисколько не теряли в своей идеалистической глубине. Именно эта роль предназначена, по моему мнению, славянскому гению в отношении философии; мы питаем глубокое сочувствие к немецкой умозрительности, но еще более влечет нас к себе французская ясность.

Бакунин мог говорить целыми часами, спорить без усталости с вечера до утра, не теряя ни диалектической нити разговора, ни страстной силы убеждения. И он всегда готов был разъяснять, объяснять, повторять, без малейшего догматизма. Этот человек рожден был миссионером, пропагандистом, священнослужителем. Независимость, автономия разума — вот что бы тогда его знаменем, и для освобождения мысли он вел войну с религией, войну со всеми авторитетами. А так как в нем пыл пропаганды сочетался с огромным личным мужеством, то можно было уже тогда предвидеть, что в такую эпоху, как наша, станет революционером, пылким, страстным, героическим. Вся жизнь его была посвящена одной лишь пропаганде. Монах воинствующей церкви революции, он бродил по свету, проповедуя отрицание христианства, приближение страшного суда над этим феодальным и буржуазным миром, проповедуя социализм всем и примирение — русским и полякам. Он не имел ни другого призвания в жизни, ни других интересов; к внешним условиям существования он был совершенно равнодушен. Он напоминает нам прозелитов первых веков христианства или, еще больше, тех неутомимо деятельных людей эпохи возрождения наук, которые, как Кардан¹⁶, Бруно¹⁷, Пьер Рамен¹⁸, переходили из страны в страну, распространяя свои идеи, поучая, убеждая, борясь с предрассудками, рискуя жизнью

* Я говорил об этом замечательном молодом человеке, умершем в Италии, в своей брошюре «О революционных идеях в России», страницы 130–131.

ради свободы слова, — этих всюду гонимых и преследуемых людей, которые после долгих лишений самоотверженной жизни не знали, где преклонить голову, если смерть не приходила им на помощь, — смерть на костре или в мрачной тюрьме.

Покидая родину, Бакунин нисколько не был озабочен тем, что оставляет там свое наследственное имущество. Он никогда не задумывался над тем, удастся ли ему завтра пообедать. Когда у него случалось немного денег — он тратил их без счета, безрассудно; он раздавал их другим. Оставался он без денег — и это не лишало его бодрости, он смеялся над этим со своими друзьями, он умел сводить свои потребности чуть ли не к нулю, он отказывал себе во всем и не только почти не жаловался, но и в самом деле страдал менее, чем другие, — отсутствие денег он воспринимал как болезнь.

Он был молод, красив, он любил создавать себе прозелитов среди женщин, многие были в восторге от него, и, однако, ни одна женщина не сыграла большой роли в жизни этого революционного аскета; его любовь, его страсть были устремлены к иному.

Познакомился я с Бакуниным в 1839 году. Я возвратился тогда в Москву из первой ссылки и начинал работать в периодических изданиях, руководимых Белинским¹⁹, близким другом Бакунина. Мы провели вместе год. Бакунин все более и более возбуждал меня к изучению Гегеля; я же пытался внести в его суровую науку побольше революционных элементов.

Осенью 1840 года Бакунин покинул Россию; он поехал в Берлин для завершения своего образования. Из всех друзей Бакунина один лишь я отправился проводить его до Кронштадта. Едва только пароход вышел из устья Невы, как на нас обрушилась одна из обычных балтийских бурь, сопровождаемых потоками холодного дождя. Капитан был вынужден повернуть обратно. Это возвращение произвело на нас обоих крайне удручающее впечатление. Бакунин с грустью смотрел на то, как петербургский берег, который он воображал себе уже покинутым на долгие годы, снова приближался со своими набережными, усеянными зловещими фигурами солдат, таможенных чиновников, полицейских офицеров и шпииков, дрожавших под своими потертыми зонтиками. Являлось ли это предзнаменованием, голосом провидения?.. Подобное же обстоятельство задержало Кромвеля²⁰, когда он готовился отплыть в Америку²¹. Но Кромвель покидал свою Old England*, и в глубине души он был в восторге, что нашел предлог, чтобы там остаться. Бакунин же покидал новый город царей. Ах, милостивый государь, нужно видеть безграничный

* Старую Англию (англ.).

восторг, упоение, слезы на глазах каждый раз, когда русский переезжает границу своей родины и думает, что находится теперь вне власти своего царя!

Я указал Бакунину на мрачный облик Петербурга и процитировал ему те великолепные стихи Пушкина, в которых он, говоря о Петербурге, бросает слова словно камни, не связывая их меж собой: «Город пышный, город бедный, дух неволи, стройный вид, свод небес зелено-бледный... Скука, холод и гранит»²². Бакунин не захотел сойти на берег, он предпочел дожидаться часа отъезда в каюте. Я расстался с ним, и до сих пор еще в моей памяти сохранилась его высокая и крупная фигура, закутанная в черный плащ и яростно поливаемая неумолимы дождем; помню, как он стоял на передней палубе парохода и в последний раз приветствовал меня, махая мне шляпой, когда я устремился на поперечную улицу...

Бакунин вначале поразил берлинских профессоров своим воодушевлением, талантами и смелостью выводов, на которые решался; но вскоре он соскучился и порвал с квиетизмом немецкой науки. Бакунин не видел другого средства разрешить антиномию между мышлением и действительностью, кроме борьбы, и он все более и более становился революционером. Он принадлежал к числу тех молодых литераторов, которые протестовали в «Галльских летописях», руководимых Арнольдом Руге²³, против бесплодного, аристократического и бесчеловечного понимания науки немецкими профессорами, против их бегства в области *абсолюта*, против их бездушного воздержания, мешавшего им принимать какое-либо участие в горестях и трудах современного человечества.

Статьи Бакунина, написанные с огромным увлечением и смелостью, были подписаны Жюль Элизар²⁴. Впрочем, он писал очень мало и работал с трудом, когда ему приходилось братья за перо.

В 1843 году Бакунин, преследуемый швейцарскими реакционерами, был выдан одним из них, Блюнчли²⁵, и тотчас же получил приказание возвратиться в Россию. Блюнчли, журналист и член цюрихского правительства, во время дела коммуниста Вейтлинга²⁶ скомпрометировал множество людей. Имея в своих руках досье Вейтлинга и его друзей, он написал брошюру, в которой предал гласности то, что, как должностное лицо, должен был сохранять втайне. Там не было ни одного письма к Бакунину или от него к Вейтлингу, но в какой-то записке Вейтлинг упоминал о русском социалисте Бакуanine. Этого было достаточно для Блюнчли. После его доноса возвращение на родину стало невозможным; вследствие этого Бакунин отказался подчиниться императорскому приказу. Тогда царь подверг его суду своего сената; Бакунина приговорили к лишению всех прав

состояния и к вечной ссылке, *как только он возвратится*, «за неповиновение приказу его величества и за поведение, *не достойное русского офицера*». Бакунин в письме, напечатанном несколькими газетами в Париже, куда он переселился, выразил благодарность императору за лишение его дворянского достоинства²⁷.

Вторично отправленный в ссылку после отъезда Бакунина, я только в начале 1847 года нашел средства и возможность покинуть Россию, и тогда-то я снова встретился с ним в Париже.

Он жил уединенно, виделся только с несколькими русскими и польскими друзьями; он часто посещал Прудона²⁸ и иногда бывал у г-жи Жорж Санд²⁹. Он выглядел более усталым, более грустным, чем в России, но был далек от отчаяния; трудно жилось в 1847 году.

Изгнанный из Парижа после речи, произнесенной им на праздновании годовщины польской революции в 1847 году³⁰, он переехал в Брюссель. 24 февраля открыло для него двери Франции, широкого политического поприща и вечного заточения. Бакунин помолодел и в первый раз почувствовал возможность полностью проявить все свои силы и всю свою энергию. Он покинул Париж в марте 1848 года, чтобы помочь своим советом, словом австрийским славянам. По пути, в Шварцвальде³¹, он встретил восставшую крестьянскую общину, готовую взять приступом замок. Бакунин вспоминает о том, что он артиллерист, обучает крестьян маршу и диспозициям, необходимым для захвата замка, дает им указания и снова садится в повозку, чтобы продолжать свой путь.

Когда Бакунин приехал в Прагу, он застал там уже славянский конгресс в полном сборе³². Представленный одним галицийским депутатом, он был приглашен принять участие в работе этого первого вселенского собора нации, которая, наконец, стала пробуждаться после многовекового летаргического сна. Там говорили на всех славянских языках, недоставало только одного — русского. Никто в мире не мог бы лучше представлять революционную идею небольшого меньшинства его родины, чем Бакунин, — русский, друг поляков, вооруженный всем, что могла только дать немецкая наука, и социалист, как наиболее передовые люди Франции. Бакунин с самого своего появления приобрел огромное влияние и популярность. Его благородная и чисто славянская наружность, энергия, открытый характер, ясность и глубина его слова сплотили вокруг него всех истинных революционеров Богемии и австрийских славян.

Вам известна, милостивый государь, история пражской революции. Это типичная история всех революций, вспыхнувших после 24 февраля. Легкие победы вначале; победители, чувствующие, что они совершенно не достойны быть победителями; слепая вера

в лицемерные уступки властей; пустые споры и формальности, трата времени, несвоевременное вооруженное восстание и полнейшее поражение.

Виндишгрец³³ был в восторге от баррикад в Праге, совсем как Марраст³⁴ и Каваньяк³⁵ 22 июня 1848 года в Париже. В течение шести дней он бомбардировал город. Едва лишь началось сражение, Бакунин вышел на улицу, но под конец там уже нечего было делать. Виндишгрец не мог не подавить восстание пушками и численным превосходством. Население проявляло симпатию к австрийцам. Бакунин покинул город, когда поражение было уже несомненным, и отправился в Дессау — ожидать лучших дней.

Никогда и ни в одной стране нельзя было видеть зрелища более гнусного, более низкого, чем то, которое явили немецкому народу его правители в 1849 году. Людовик-Наполеон³⁶, Пий IX³⁷ — героичности, чистосердечия и прямодушия рядом с этими презренными Габсбургами³⁸ и Гогенцоллернами³⁹ с их саксонскими, вюртембергскими, гессенскими, баденскими и прочими коллегами. Зрелище предательств, клятвопреступлений, мелких жестокостей, кровожадных и жалких одновременно, *которые возмутили Паскевича⁴⁰ в Венгрии*, приводило в ярость последних свободных людей Германии, не склонившихся перед реакцией; все были более чем возмущены: сердца наполнялись непреодолимой жаждой мщения и возмездия. Чудовищные преступления, совершенные пруссаками в герцогстве Баденском, например, были таковы, что я слышал, как честные немецкие мещане, которые в течение всей своей жизни никогда не осмеливались даже и подумать о том, чтоб оспаривать права королей и вельмож, говорили мне, бледнея и дрожа от бешенства: «Ах, если б нам когда-нибудь удалось задушить собственными руками прусского офицера!» Революционная партия, под воздействием этого нервного и лихорадочного возбуждения, охваченная экзальтацией отчаяния и оскорбленных чувств, решилась на последнюю попытку в Дрездене.

Бакунин находился там грустный, раздраженный; он выбился из сил, как это видно из письма, адресованного им одному из его кетенских друзей, перед дрезденской революцией. Едва лишь революция разразилась в Дрездене, он появился на баррикадах; его уже там знали и горячо любили.

Образовалось временное правительство. Бакунин предложил ему свои услуги. Обладая большей энергией, чем его друзья, не облеченный формальными полномочиями, он сделался военным вождем осаждаемого города. Он обнаружил при этом не только мужество, но и героическое, невозмутимое присутствие духа.

Узнав, что королевские солдаты еще не решились на избиение своих братьев, что в них не умолкла еще совесть, что они шадят даже здания, Бакунин предложил развесить лучшие произведения Дрезденской галереи на стенах и баррикадах. Это могло бы действительно остановить осаждающих. «А если они будут стрелять?» — возразили члены муниципалитета. — «Тем лучше, пусть на них падет позор этого варварства». Эстетичный муниципалитет не согласился. И таким же образом целый ряд революционных и террористических мер, предложенных Бакуниным, был отклонен.

Когда уже больше ничего не оставалось делать, Бакунин предложил поджечь дома аристократов и взорвать ратушу вместе со всеми членами правительства, не исключая и его самого. Говоря это, он держал в руке заряженный пистолет.

Остальное вам известно, милостивый государь. Арестованный через несколько дней после взятия Дрездена, Бакунин был подвергнут военному суду и приговорен к смертной казни вместе с двумя своими храбрыми сотоварищами, Гюбнером и Реккелем⁴¹. По оглашении приговора, который *не мог быть* приведен в исполнение, ибо смертная казнь за политические преступления, уничтоженная франкфуртской диетой⁴², еще не была восстановлена, приговоренных *обманули*, предложив им обратиться с просьбой о помиловании. Бакунин отказался и заявил, что единственное, чего он боится, — это снова попасть в руки русского правительства, но поскольку его собираются гильотинировать, он ничего против не имеет, хотя предпочел бы лучше быть расстрелянным! Адвокат сообщил ему, что у одного из его сотоварщей остаются жена и дети и что тот, возможно, согласился бы подать просьбу о помиловании, но не решается, узнав об отказе Бакунина. «Скажите же ему, — тотчас отвечал Бакунин, — что я согласен, что я подпишу петицию». Но на этом уже более не настаивали и сделали вид, что смягчение наказания явилось добровольным актом королевского милосердия*.

И тогда австрийское правительство потребовало, чтобы ему выдали Бакунина. Он был отправлен в Австрию *с оковами на ногах*. Его подвергли суду — подвергли суду человека, приговоренного к смерти и вслед за тем к вечному заточению, — за поступки, совершенные до его осуждения!

Когда в Дрездене у Бакунина вымогали ответ — какова причина его столь деятельного участия в германской революции, он отвечал: «Я продолжал здесь делать то, что делал всю свою жизнь: я служил

* Я не знал этих фактов, когда писал свою брошюру «О революционных идеях в России».

здесь славянской революции». И этого было достаточно для начала ужаснейшей пытки, которую он претерпел.

Среди милых законов, управляющих Австрией, есть один закон, который позволяет судье военного трибунала применять *битье палками* в случаях, когда все судьи убеждены в том, что подсудимый говорит не всю правду. И гнусные варвары применили этот закон к Бакунину. Должно сказать вам, что он не скрывал ничего касавшегося его лично, но не желал говорить о других. После каждого судебного заседания Бакунина подвергали экзекуции.

Ему не хватало лишь нравственной экзекуции. «Аугсбургская газета», орган, добровольно поддерживающий венский кабинет, поместила корреспонденции из Праги, в которых говорилось, что множество людей подверглось аресту вследствие важных разоблачений, сделанных Бакуниным. Это мне напоминает историю, которую Андриане⁴³ рассказывает в своих «Записках государственного преступника».

Сальвотти⁴⁴, имперский инквизитор в Милане, сказал графу Конфалоньери⁴⁵: «Вы упорствуете в молчании, в игре в героизм, — прекрасно, но завтра же я прикажу напечатать в газетах, что вы донесли на своих друзей, — и вы не найдете никакого средства опровергнуть это». Благородный этот Сальвотти теперь член государственного совета в Вене и занимается итальянскими делами.

С отвращением коснусь я теперь одного мучительного воспоминания. Нашлись немцы и, к несчастью, также и поляки, которые распространили гнусный слух, будто Бакунин был агентом русского правительства⁴⁶. Клевета эта преследовала его до самой тюрьмы благодаря одному пасквилянту из «Рейнской газеты». Этот субъект рассказывал, что г-жа Ж. Санд передавала как несомненный факт, сообщенный ей Ледрю-Ролленом⁴⁷, когда он был министром внутренних дел, будто Бакунин состоял на службе у русского посольства. Один из друзей Бакунина обратился непосредственно к г-же Санд, которая полностью опровергла этот слух и написала письмо, немедленно отправленное в редакцию газеты Маркса. Но эта отвратительная клевета была отброшена лишь тогда, когда кости несчастного мученика затрещали под орудиями пытки.

Не знаю, как это получается, но всякий раз, когда видят русского революционера, его принимают за царского агента; одни не знают, как примирить аристократическое происхождение с убеждениями демократа, другие удивляются тому, что богатые люди могут быть социалистами. Наша привычка сорить деньгами, наш откровенный радикализм шокируют буржуазный мир. Я слышал неоднократно следующее замечание: «Где же доставал Бакунин деньги? Семья его

ничего ему не присылала, и однако он бывал иногда при деньгах; по крайней мере мы имеем право подозревать, что эти деньги он получал от русского правительства».

В заключение должен сказать вам, милостивый государь, что все подробности биографии Бакунина, начиная с 1848 года, я знаю только по рассказам нескольких немцев и по газетам. Последнее виденное мною письмо от него было написано в начале 1850 года в Градчине (крепость в Праге). Со времени его отправления в Ольмюц ничто не могло просочиться. Один из камергеров прусского короля хвалился как-то за табльдотом в Женеве, что он *пошел посмотреть* на Бакунина в Ольмюце (не из сочувствия, а как на достопримечательность); он говорил, что нашел его прикованным к стене, в маленькой темной камере, что Бакунин был слаб, болен и что голос его казался угасшим.

Из Ольмюца Бакунин был перевезен в сырую тюрьму в Венгрии и оттуда, как нам пишут, в Шлиссельбург. Говорят что там его подвзрели пытке.

Александр Герцен (Искандер).

P. S. Находясь в Кенигштейне, Бакунин выпустил в свет на немецком языке маленькую, очень энергичную брошюру о России под названием «Russische Zustände»*.

<1851>

М. Бакунин и польское дело

В конце ноября мы получили от Бакунина следующее письмо¹:
«15 октября 1861. С.-Франсиско. Друзья, мне удалось бежать из Сибири, и, после долгого странствования по Амуру, по берегам Татарского пролива и через Японию, сегодня прибыл я в Сан-Франсиско.

Друзья, всем существом стремлюсь я к вам и, лишь только примусь за дело: буду у вас служить по *польско-славянскому* вопросу, который был моей *idée fixe* с 1846 года и моей *практической специальностью* в 48 и 49 годах. Разрушение,

* «Положение России» (нем.).